

КРАТКИЙ НЕКРОЛОГ И ДВА ПОСМЕРТНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Ужасное горе постигло семейство, друзей и ближних Кузьмы Петровича Пруткова, но еще ужаснее это горе для нашей отечественной литературы... Да, его не стало! Его уже нет, моего миленького дяди! Уже не существует более этого доброго родственника, этого великого мыслителя и даровитейшего из поэтов; этого полезного государственного деятеля, всегда справедливого, но строгого относительно своих подчиненных!.. Драгоценнейший мой дядюшка Кузьма Петрович Прутков всегда ревностно занимался службой, отдавая ей большую часть своих способностей и своего времени; только часы досуга посвящал он науке и музам, делясь дотом с публикой плодами этих трудов невинных. Начальство ценило его ревность и награждало его по заслугам: начав службу в 1816 году юнкером в одном из лучших гусарских полков, Кузьма Петрович Прутков умер в чине действительного статского советника, со старшинством 15-ти лет и четырех с половиною месяцев, после 20-тилетнего (с 1841 года) безукоризненного управления пробирной палаткой! Подчиненные любили, но боялись его. И долго еще, вероятно, сохранится в памяти чиновников пробирной палатки величественная, но строгая наружность покойного: его высокое, склоненное назад чело, опущенное снизу густыми рыжеватыми бровями, а сверху осененное поэтически-всклокоченными, шанкретовыми с проседью волосами; его мутный, несколько прищуренный и презрительный взгляд; его изжелта-каштановый цвет лица и рук; его змеиная саркастическая улыбка, всегда высказывавшая целый ряд, правда почерневших и поредевших от табаку и времени, но все-таки больших и

крепких зубов; наконец — его вечно откинута назад голова и нежно любимая им альмавива... Нет, такой человек не может скоро изгладиться из памяти знавших его!

306

Кузьма Петрович Прутков на 25 году жизни соединил судьбу свою с судьбою любезной моей тетушки Антонины Платоновны, урожденной Проклеветантовой. Неутешная вдова оплакивает своего мужа, от которого имела множество детей, кроме находящихся в настоящее время в живых четырех дочек и шести сыновей. Дочки ее, любезные моему сердцу племянницы, отличаются все приятной наружностью и высоким образованием, наследованным от покойного отца; они уже в зрелых летах и — смело скажу — могут составить несомненное счастье четырех молодых людей, которым посчастливится соединить свою судьбу с их судьбою! Шесть сыновей покойного обещают твердо идти по следам своего отца, и я молю небо о даровании им необходимых для этого сил и терпенья!..

Кузьма Петрович, любезный и несравненный мой дядинька, скончался после долгих страданий на руках нежно любившей его супруги, среди рыданья детей его, родственников и многих ближних, благоговейно теснившихся вокруг страдальческого его ложа... Он умер с полным сознанием полезной и славной своей жизни, поручив мне передать публике, что *«умирает спокойно, будучи уверен в благодарности и справедливом суде потомства; а современников просит утешиться, но почтить, однако, его память сердечной слезою»*.. Мир праху твоему, великий человек и верный сын своего отечества! Оно не забудет твоих услуг, и нет сомнения, что недалеко то время, когда исполнится пророческий твой стих:⁸⁷

**«И слава моя гремит, как труба,
И песням моим внимает толпа
Со страхом...
Но вдруг я замолк, заболел, схоронен,
Землею засыпан, слезой орошен,
И в честь мне воздвигли *семнадцать* колонн
Над прахом!»...**
(«Соврем.», 1852 г.)

Всеми уважаемый мой дядюшка умер на 60 году своей жизни, в полном развитии своего замечательного таланта и своих сил, 13-го сего января в два и три четверти часа по полудни... Славный художник** поразительно верно передал замечательную его наружность на портрете, который предназначен для украшения *полного собрания сочинений покойного*⁸⁸. Я уверен, что по отпечатании этого собрания оно будет раскуплено нарасхват образованною частью публики; иначе, впрочем, и быть не может!

В портфелях покойного дядиньки найдено много неизданных его сочинений, не только стихов, философских изречений и продолжение исторического труда, столь известного публике под заглавием «Выдержки из записок моего деда», но также и драматических произведений. В особом портфеле, носящем золотую печатную надпись: «Сборник неконченного (d'inachevè)», находится множество весьма замечательных отрывков и эскизов покойного, дающих полную возможность судить о неимоверной разносторонности его дарования и о необъятных сведениях этого столь рано утраченного нами поэта и мыслителя! Из этих-то последних отрывков я извлекаю пока один и возлагаю на алтарь отечества, как ароматический цветок в память драгоценного моего дядюшки... Надеюсь и вполне уверен, что из груди каждого

патриота вырвется невольный крик удивления при чтении этого отрывка и что не одной слезой благодарности и сожаления почтится память покойного!.. Вот этот отрывок:

ПРОЛОГ

Открытое место. Холм. Солнце восходит. Известный писатель входит в картузе, альмавиве, с зонтиком и с книгой под мышкой.

Известный писатель. С восходом этого дневного светила настанет торжественный для меня и для моего товарища день. Я и товарищ намерены дать сего дня *новый род драматического представления*⁸⁹. Драматическими представлениями условились называть представления, которые бывают на театрах, а именно: на Большом, неосновательно называемом каменным, Александринском, Михайловском и в Цирке, а в Москве — на Большом и Малом. Представления подразделяются на многие отрасли, как-то: на комедии, трагедии, драмы, оперы, пантомимы, водевили и хороводы. Мой товарищ и я посвятили всю жизнь нашу и зрелые лета на изобретение нового рода драматического представления. Мы с товарищем решились назвать его после долгих соображений — скажу: страданий — *естественно-разговорным представлением*. Произведение наше называется: «Опрометчивый турка, или приятно ли быть внуком?» (*восходит на холм*). Дай бог, чтобы это произведение было принято с тою же чистотою и откровенностию, с которыми мы его предлагаем зрителям! Пора нам ознаменовать перевалившийся за другую

половицу XIX век *новым словом* в нашей литературе! Это столь ожидаемое *новое слово* будет высказано сегодня мною с товарищем! Нужно ли мне повторять, что мы посвятили ему всю нашу жизнь и зрелые лета?! Кроме того, я отказался для него от выгодной партии — с дочерью купца Громова, уступив ее другому моему товарищу... Итак, пусть начинают пьесу! Дай бог, говорю я, чтобы она принята была с тою же душевною чистотою и сердечною откровенностью, с которыми мой товарищ и я предлагаем ее нашим зрителям!!

(Сходит с холма и удаляется)

Иван Семеныч (который все это время стоял в мундире, спрятавшись, выходит на авансцену со скрипкой, оглядываясь по сторонам).

Дочь купца Громова за мною!.. У меня много детей, не считая рожденных от первого брака и нечаянно. Это в сторону! Автор ушел. Предлагаемая пьеса начинается. Надо играть увертюру. Вот ноты в этом веке написанного романса: «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан»⁹⁰ (*бросает ноты перед собой на землю и хочет играть. Камердинер подносит ему что-то на блюдечке*). Не надо! я всегда без этого!

(Камердинер уходит. Иван Семеныч играет. Ничего не слышно. Через несколько времени занавес опускается).

308

**ОПРОМЕТЧИВЫЙ ТУРКА,
или**

ПРИЯТНО ЛИ БЫТЬ ВНУКОМ?

КОМЕДИЯ ЕСТЕСТВЕННО–РАЗГОВОРНАЯ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Миловидов.

Либенталь.

Князь Батог–Батыев.

г–жа Разарваки.

Кутило–Завалдайский.

Иван Семеныч.

(Гостиная у г–жи Р а з а р в а к и. Она разливает чай. Все сидят).

Миловидов (*говорит басом и важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что у него было приятного, исчезло вместе с ним!

Кутило–Завалдайский (*со вздохом*). Сколько у него было душ и десятин пахотной земли?

Миловидов. Главное его имение — село Курохвостово, не помню, Астраханской или Архангельской губернии. Душ, по последней ревизии, числилось 500. По крайней мере так выразился, говоря со мною, заседатель гражданской палаты Фирдин Кузьма Петрович.

Кн. Батог–Батыев (*говорит шепелявя, с присвистом*). Фирдин? какой Фирдин? Не тот ли, который ранен был на дуэли ротмистром Ковтыревым?

Либенталь (*говорит торопливо, скороговоркой*). Нет, не Кавтыревым, Кавтырев мне свояк. С ним действительно был случай, но он на дуэли не убит, а просто упал с лошади, гоняя ее на корде вокруг павильона на даче Мятлева; при

этом он вывихнул безымянный палец, на котором носил чугунный перстень с гербом фамилии Чапыжниковых.

Кутило–Завалдайский. Я не люблю чугунных перстней, но предпочитаю с сердоликом или с дымчатым топазом.

Кн. Батог–Батыев (*с присвистом*). Позвольте, вы ошибаетесь. Сердолик и топаз, в особенности дымчатый, как вы весьма справедливо сказали, совершенно два различные именованья, и их не надобно смешивать с малахитом, столь искусно выделяваемым его превосходительством Демидовым, так что даже, — могу сказать пред целым миром и своею совестью, — он получил за это диплом из собственных рук парламента, с английскою печатью⁹¹.

Г–жа Разарваки (*сдобным громким голосом и решительно*) Насчет Демидова: правда ли, что он завещал все свое богатство Ламартину?⁹² (*Молчание*).

Миловидов (*опять басом и важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним! Было у него, смело могу сказать, один только недостаток: он был твердо убежден, что при природном даровании можно играть на скрипке — без канифоли! Я вам расскажу постигнувший его случай: в день своих именин, как теперь помню, 21 октября, он приглашает власти. Был какой–то час.

309

Шум... Входят... собираются... садятся на диваны. Чай выпит. Все ожидают. — «Подай мне ящик!» — говорит Иван Семеныч. Ящик принесен. Иван Семеныч вынимает скрипку, засучивает рукава и отворачивает правый борт своего виц–мундира. Вице–губернатор одобрительно

ожидает. Преданный Ивану Семенычу камердинер подносит на блюдечке канифоль... «Не надо! — говорит он. — Я всегда без канифоли!..» Развертывает всем известные какие-то ноты... взмахивает смычком. Все притаили взволнованное дыхание. Самонадеянный покойник ударяет по струнам — ничего! ударяет в другой раз — ничего! В третий раз — решительно ничего! Четвертый удар — увы! — был нанесен его карьере, несмотря на то, что он был женат на дочери купца первой гильдии Громова. Обиженный губернатор встает и, подняв руку к плафону, говорит: «Мне вас не нужно, — говорит, — я не люблю упрямых подчиненных!.. Вы вообразили теперь, что можете играть без канифоли; весьма возможно, что захотите писать бумаги без чернил... Я таких бумаг читать не умею, а тем более — подписывать не стану; видит бог, не стану!» *(Молчание)*.

К у т и л о – З а в а л д а й с к и й. Говорят, что цены на хлеб в Тамбовской губернии значительно возвысились? *(Молчание)*.

Г – ж а Р а з а р в а к и (сдобно и громко). Насчет Тамбова... Сколько верст от Москвы до Рязани и обратно?

Л и б е н т а л ь (скороговоркой). В один конец могу сказать, даже не справившись с календарем, но обратно не знаю.

В с е (отворачиваясь в другую сторону, смеются, издавая носом насмешливые звуки).

Л и б е н т а л ь. Могу вас уверить... Ведь от рождества до пасхи столько-то дней, а от пасхи до рождества столько-то, но не столько, сколько от рождества до пасхи, следовательно...

В с е (оборачиваются в другую сторону и смеются, издавая носом те же звуки. Молчание).

Миловидов. И так, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

Кн. Батог–Батыев (*шепелявя с присвистом*). Я знал его; мы странствовали с ним в горах востока и тоску изгнания делили дружно!⁹³ — Что за страна этот Восток! Вообразите: направо — гора, налево — гора, впереди — гора, а сзади, как вы можете себе представить, синее гнилой запад... Наконец, вы с отвращением въезжаете на самую высокую гору — на какую–нибудь остроконечную Сумбеку, так что вашей кобыле и стоять на этом мшистом шпиге невозможно... Разве только, подпертая горою под самую подпругу, она может вертеться на этой горе, как на своей оси, болтая в то время четырьмя своими ногами; и тогда, вертясь вместе с нею, вы замечаете, что приехали в *самую* восточную сторону, ибо и впереди восток, и с боков восток, а запад... Вы, может, думаете, что он все–таки виден, как точка какая–нибудь, едва движущаяся вдали?..

Г–жа Разарваки (*ударяя кулаком по столу*). Конечно!

Кн. Батог–Батыев (*с торжествующей улыбкой*). Неправда... и сзади восток, короче: везде и повсюду один нескончаемый восток!..

Г–жа Разарваки. Насчет востока... Я вам расскажу мой сон.

310

Все. Расскажите, расскажите! (*Целуют у ней руки*).

Г–жа Разарваки. Видела я, что в самой середине..

Миловидов (*прерывая*). Питая к вам с некоторых пор должное уважение, я вас прошу, именем всех ваших гостей, об этом умолчать.

В с е. Почему же? Почему же? (*Наперерыв целуют у ней руки*).

М и л о в и д о в (*важно*). Итак, нашего Ивана Семеныча уже не существует... Все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!.. Вам известно, что он жил безбедно, но хотел казаться человеком более богатым, нежели был в самой вещи...

Г–жа Р а з а р в а к и (*с удивлением*). Разве у него было бархатное стуло?

М и л о в и д о в. Нет! он не любил бархата и даже на самом животе носил треугольник из фланели, в виде какого–нибудь синапизма.

Кн. Б а т о г–Б а т ы е в. У меня там тоже есть синапизм; но кроме того, люблю носить на правой руке фонтанель, на левой гишпанскую мушку, в ушах канат, во рту креозот, а на затылке заволочу⁹⁴.

В с е. Покажите! покажите!

Кн. Б а т о г–Б а т ы е в. Весьма охотно, но только после чаю...

М и л о в и д о в. Все, что у него было приятного, исчезло вместе с ним!.. Когда Иван Семеныч задавал обеды и приглашал власти, то любил угостить тончайшим образом!. Лежавшие в супе коренья изображали все ордена, украшавшие груди присутствующих лиц... Вокруг пирожков вместо обыкновенной какой–нибудь петрушки подсыпались жареные цветочные и фамильные чай... Пирожки были с кисточками, а иногда с плюмажами!.. Косточки в котлетах были из слоновой кости и завернуты в папильотки, на которых каждый мог прочесть свойственный его чину, нраву, жизни и летам комплимент. В жареную курицу вечно втыкался павлиний хвост. Спаржа всегда вздеывалась на проволоку; а горошек нанизывался на шелковинку... Вареная рыба подавалась в розовой воде... Пирожное разносилось всем в конвертах,

запечатанных казенною печатью какого-то ведомства. Шейки бутылок повязаны были орденскими ленточками и украшались знаками беспорочной службы; а шампанское подавалось обвернутое в заграничный фуляр... Варенье, не знаю почему, не подавалось. По окончании обеда преданный Ивану Семенычу камердинер обрызгивал всех о-де-лавандом. Вот как жил он — и что же? канифоль, канифоль погубила его и свела в могилу!.. Его уже нет, и все, что было у него приятного, исчезло вместе с ним!..

(Внезапно отворяются двери, и входит Иван Семенович с торжествующим лицом и приятной улыбкой).

Все (в испуге). Ах! Иван Семеныч! Иван Семеныч!..
Иван Семеныч (шаркая и улыбаясь на все стороны).

Не дивитесь друзья⁸⁵,
Что как раз
Между вас
На пиру веселом я
Проявляюся!..

(Обращается к Миловидову и Разарваки серьезно).

311

Ошибаешься, Данило,
Разарваки соврала:
Канифоль меня сгубила,
Но в могилу не свела!

Все (радостно вскакивают с мест и обступают Ивана Семеныча). Иван Семеныч, как! вы живы?

Иван Семеныч. Жив; жив, говорю я вам! Скажу более (обращается к 2-же Разарваки): у вас есть внук турецкого происхождения... Я сейчас расскажу вам, каким образом сделано мною это важное открытие...

Все (с нетерпением). Расскажите, расскажите, Иван Семеныч!..

(Садятся вокруг стола; Иван Семеныч ставит свой стул возле 2-жи Разарваки. Все вытянули головы с любопытством. Иван Семеныч откашливается. Молчание).

Здесь рукопись прерывается... К сожалению, смерть не допустила Кузьму Петровича Пруткова вполне развить и довести до конца это в высшей степени замечательное произведение, вплетающее новую роскошную ветвь в лавровый венок моего бессмертного дядюшки!..

Произведение это помечено так: «11-го декабря 1860 года (annus, i)». Исполняя духовное завещание покойного, я поставлю священным для себя долгом объяснить, для сведения будущих библиографов, что Кузьма Петрович Прутков родился 11-го апреля 1801 года недалеко от Сольвычегодска, в дер. Тентелевой; поэтому большая часть его сочинений, как, вероятно, заметили сами читатели, носит пометку 11-го числа какого-либо месяца. Твердо веря, подобно прочим великим людям, в свою звезду, достопочтеннейший мой дядинька никогда не заканчивал своих рукописей в другое число, как в 11-е. Исключения из этого весьма редки, и покойный не хотел даже признавать их.

Искреннейший племянник Кузьмы Петровича Пруткова и любимейший родственник его: *Калистрат Иванович Шерстобитов.*

ВТОРОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КУЗЬМЫ ПЕТРОВИЧА ПРУТКОВА

Для вящей характеристики Кузьмы Петровича Пруткова как государственного человека и верного сына отечества я привожу здесь еще один отрывок из портфеля покойного, наполненного множеством неоконченных произведений (*d'inachevè*). Это — *проект*, не вполне отделанный, на котором сделана пометка: «*подать в один из торжественных дней на усмотрение*». Проект этот был написан в 1859 году⁹⁶, но был ли он подан и принят, мне не может быть известно по весьма малому моему чину.

Отставной поручик *Воскобойников*.

312

ПРОЕКТ

(подать в один из торжественных дней на усмотрение).

Присуп: Наставить публику... Занеслась... Молодость, науки, незрелость... Вздор!.. Убеждения, безначалие, неуважение к старшим, «*собственное*» мнение!.. *Собственное мнение!!* Да разве может быть *собственное* мнение у людей, не удостоенных доверием начальства?!⁹⁷ Откуда оно возьмется и на чем основано?! Если бы писатели знали что-либо, их призвали бы к службе; но кто не служит, тот, значит, недостоин, стало быть, и слушать его нечего! С этой стороны еще никто не колебал авторитет нынешних писателей, — *я первый* (напереть на то, что *я первый*; может быть, это откроет мне карьеру... Затем развить то же в других выражениях, но сильнее и подробнее).

Трактат: Вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия с властью во мнениях⁹⁸. «Аще царство на ся разделится»⁹⁹ и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться¹⁰⁰. Для осуществления этого желания необходимо держаться мнения начальства; ибо — в противном случае, где ручательство, что составленное мнение безошибочно? Но как узнать мнение начальства? Нам скажут: оно выражается в принимаемых им мерах. Это правда... гм!.. нет, это неправда!.. Правительство нередко таит свои цели — из высших государственных соображений, недоступных пониманию большинства. Оно нередко доходит до результата рядом косвенных мер, по-видимому, противоречащих одна другой и даже не имеющих между собою никакой связи, но в действительности соединенных секретными шолнерами одной государственной идеи, одного государственного плана, поражающего ум своею громадностью и последствиями... План этот открывается в неотвратимых результатах истории! Итак, может ли какой-либо подданный обсуждать правительственные мероприятия, не владея ключом взаимной между ними связи? «Не по отдельным частям, но по целой совокупности водочерпательной машины суди о достоинствах сих частей», — так сказал я еще в 1842 году сыну своему Фаддею и до сего времени непреклонно убежден в высокой справедливости этого изречения!.. Где подданному уразуметь все эти причины, поводы, соображения, разные виды с одной стороны и усмотрения с другой, на основании коих принимаются правительственные меры? Не понять и не уразуметь ему их, если они не будут указаны самим благодетельным правительством! Этому мы видим доказательства ежедневно, ежечасно, скажу: ежеминутно!.. Вот причина, с одной стороны, почему иные, даже самые благонамеренные люди нередко сбиваются с тол-ку

злонамеренными толкованиями; и почему, с другой стороны, многие из верноподданных недостаточно противодействуют распространяющимся лжемудрствованиям, не имея от правительства указания, какого мнения следует держаться?.. Положение их самое тягостное, и даже смело скажу, вполне невыносимое!

Заключение: На основании всех вышеизложенных соображений и принимая во внимание, с одной стороны, явную необходимость установления однообразной точки зрения в пространном нашем отечестве, с другой же стороны, усматривая невозможность достижения этой благой цели без учреждения официального печатного органа¹⁰¹, нельзя вместе с тем не признать справедливым,

313

что в этом именно заключается настоятельная потребность общества и существенное условие его преуспеяния и развития... Будучи поддержан достаточным содействием полицейской и административной властей, такой правительственный орган служил бы надежной звездой, скажу: маяком или вехою для общественного мнения. Таким образом, пагубная склонность человеческого разума вечно обсуждать происходящее на всем земном круге была бы направлена к исключительному служению правительственным видам и целям. По всем случаям, мерам и вопросам существовало бы одно господствующее мнение, и если даже допустить, что нашлись бы злонамеренные люди, которые были бы несогласны с этим мнением, то они, естественно, остереглись бы противоречить, дабы не выказать своей злонамеренности. С другой же стороны, истинно верноподданные узнали бы,

наконец, какого мнения им следует держаться для блага своего и своих присных. Притом нет сомнения, что благомыслящие люди позаботились бы, из христианского желания добра своим детям и родственникам, внушить и им те же добрые начала, и, таким образом, предлагаемое мною средство имело бы благодетельное действие не только на современников, но и на самое отдаленное потомство! Зная сердце человеческое и господствующие черты русской народности, нет повода сомневаться в достижении вышеизложенной цели. Дело только в том, чтоб избран был редактором достойный во всех отношениях человек, известный своим усердием и преданностью, пользующийся славою писателя и глубокого мыслителя и готовый пренебречь, для пользы правительства, конечно за достаточное вознаграждение¹⁰², общественным уважением и мнением. В поощрение его и в пример другим необходимо, кроме достаточного вознаграждения, отличать его чинами, орденовыми украшениями и особыми денежными наградами. Скромность, свойственная моему характеру, препятствует мне предложить личный свой труд в этом деле и разносторонние свои познания и способности, которыми, однако, я готов жертвовать до последнего издыхания, если это будет согласно с предначертаниями начальства, для бескорыстной службы престолу отечества. Долговременная и беспорочная служба моя в пробирной палатке дает мне, между прочим, возможность разъяснять различные финансовые меры согласно с видами правительства; разъяснения же эти, как известно самому правительству, необходимы для отклонения произвольных суждений, вызываемых стесненным положением финансов нашего дорогого отечества... Итак, повергая свою готовность на алтарь отечества, я вместе с тем считаю священным для себя долгом указать на заслуженного нашего литератора и академика Бориса Федорова¹⁰³ как на

необходимого члена редакции, всегда достойно пользовавшегося милостями и доверием правительства. Этот верный и опытный слуга уже приобрел себе громкую известность испытанной своею благонамеренностью, память о которой неминуемо сделается достоянием истории.

Осмеливаюсь представить на снисходительное усмотрение высшего начальства сей недостойный труд свой, я дерзаю приятно льстить себя надеждой, что он не будет поставлен мне в вину, служа искренним выражением усердного желания человека, преданного престол–отечеству, принести посильную услугу столь высоко уважаемой им благонамеренности. *Кузьма*

314

Прутков, начальник пробирной палатки, действительный статский советник и разных орденов кавалер, 1859 года (annus, i).

Примечание. На полях этого замечательного проекта, доказывающего светлый взгляд, государственный ум и беспредельную преданность покойного Кузьмы Петровича Пруткова нашему общему престол–отечеству, сохранились драгоценные заметки, которые даровитый писатель и слуга намеревался развить при окончательной отделке своего предположения. Так, сбоку трактата о невозможности правильно судить правительственные мероприятия без наставнического указания верховного начальства находится следующая заметка: «Подобно сему, неопытный ребенок, будучи временно оставлен без руководителя и увлекаемый между тем прохладной тенью близлежащего леса, опрометчиво устремляется в оный от дому, не

рассудив — о, несчастный! — что у него не достанет ни ума, ни соображения для отыскания обратной дороги. NB. Развить это прекрасное сравнение, особенно остановившись на трогательной картине, изображающей плачущих родителей, отчаянье провинившегося пестуна и раскаянье самого ребенка, страдающего в лесу от голода и холода». Из других замечаний почтеннейшего Кузьмы Петровича видно, между прочим, что он, исчисляя доход редакции с проектированного им официального издания и предполагая пустить оное по дешевой цене, вместе с тем признавал необходимым: «1) с одной стороны, сделать подписку на сие издание обязательно для всех присутственных мест;¹⁰⁴ 2) с другой стороны — велеть всем издателям и редакторам частных печатных органов перепечатывать руководящие статьи¹⁰⁵ из официального органа, дозволяя себе только повторение и развитие их; 3) сверх того, наложить на них денежные штрафы в пользу редакции официального органа за все те мнения, кои окажутся противоречащими мнениям, признаваемым господствующими;¹⁰⁶ 4) вместе с тем, вменить всем начальникам отдельных частей управления в обязанность неусыпно вести и постоянно сообщать в одно центральное место списки всех служащих под их ведомством лиц, с обозначением: кто из них какие получает журналы и газеты, и не получающих официального органа как не сочувствующих благодетельным видам правительства отнюдь не повышать ни в должности, ни в чин и не удостоивать ни наград, ни командировок»... — «Таким образом, — заключает достоуважаемый Кузьма Петрович Прутков, — правительство избегнет опасности ошибочно помещать свое доверие».

Надеюсь, что редакция не откажется поместить этот верный исторический документ в назидание потомства...

Искренно преданный и нежно любимый племянник покойного Тимофей Шерстобитов.

